

А.А.Романова

«НИ НА МИНУТУ НЕ СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО ДОСТОЕВСКИЙ ГЕНИЙ»

Творчество Достоевского в «Дневнике» М.Элиаде

Вот ваш *Дневник*... Чего в нем нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.
О, Достоевский плодовитый!
Читатель, вами с толку сбитый,
По *Дневнику* решит, что вы —
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы.

Д.Д. Минаев¹

Достоевский — это эпоха в развитии не только литературы, но и всей мировой культуры. Каждый сколько-нибудь значимый писатель или деятель культуры знал его творчество — непосредственно или опосредованно — и определялся в своем отношении к нему.² Художественный мир Достоевского нашел отражение у многих румынских писателей XX в.³ Его идеи, образы, способ видения мира вызвали восхищение (по преимуществу), удивление и полемику, но всегда — осознанное или неосознанное усвоение и претворение в собственном творчестве.

Достоевский воздействовал не только на творчество, но и на ментальность многих больших писателей. С этой точки зрения важен не только анализ художественных произведений, в которых можно обнаружить следы этого воздействия, но и другие свидетельства. В данной статье речь пойдет прежде всего о «Дневнике» Мирчи Элиаде как о произведении, в котором содержится признание значения наследия Достоевского для мировой и румынской культуры и для собственного творчества писателя. Эти не предназначенные для немедленной печати дневниковые записи в большей мере, чем жанр статьи или иного заведомо публичного высказывания, выражают субъективное мнение, личное ощущение писателя.

¹ Петербургская газета. 1876. 3 февраля. № 23 (цит. по: Волгин И. Л. Достоевский и Розанов: школа жанровых имитаций // *Studia Rossica XIX*. Warszawa, 2007. С. 107).

² Хорев В. Ф. М. Достоевский в дневниках и письмах польских писателей (вторая половина XX века) // *Studia Rossica XIX*. Warszawa, 2007. С. 263.

³ См.: Логиновская Е. В. Достоевский и Элиаде // *Голоса Сибири*. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 752-770.

Исследователи творчества румынского ученого и писателя не раз обращались к мемуарам М. Элиаде как к фактографическому источнику, способному снабдить информацией об истории создания его работ, о взаимоотношениях с определенными персоналиями, о его точке зрения на исторические события и т. д.⁴ При этом тема отражения в «Дневнике» круга чтения Элиаде, влияния на него «соратников по перу» осталась незатронутой. Между тем подобный анализ позволяет многое понять в природе его творчества, в формировании его морально-философского осмысления жизни, стилистического многообразия его произведений.

Художественное мастерство Элиаде оттачивалось в постоянном соприкосновении с мировым литературным наследием. В его дневнике многократно встречаются высокие оценки художественного мастерства любимых авторов. Многочисленную группу образуют современные ему писатели Альберт Камю (10)⁵, Марсель Пруст (21), Жан-Поль Сартр (12), Эжен Ионеско (30) и Андре Жид (45) (отметим значительный интерес автора к французской литературе). Интерес к представителям классической литературы носит избирательный характер: часто упоминаются в «Дневнике» Гете (39), Бальзак (22), Шекспир (11). Среди представителей русской литературы в «Дневнике» упомянуты Достоевский (21), Толстой (18), Бунин (3), Чехов (2), Есенин (2), Тургенев (1).⁶

Очевидным представляется интерес Элиаде к Достоевскому. Стоит отметить, что знакомство широкого румынского читателя с Достоевским происходит сразу же после его смерти, а первые десятилетия XX в. отмечены переводом некоторых его значительных произведений на румынский язык. Большинство румынских читателей знакомились с творчеством русского писателя чаще всего во французских или немецких переводах. К 30-м годам прошлого века относится первая работа Элиаде, затрагивающая определенные аспекты творчества русского писателя. Речь идет о книге «Фрагментариум», представляющей собой сборник статей религиозного и литературоведческого характера. В главе «Достоевский и европейская традиция» Элиаде провозглашает огромную художественную ценность творчества Достоевского, отмечая психологическую глубину его романов.⁷ Как пишет современный румынский исследователь Достоевского Е. В. Логиновская, замечания Элиаде вскрывают истоки художественного открытия Достоевского, обнаруживая корни его поэтики в «архаичных мифах»: «Ад и рай, открытые Достоевским, уже давно принадлежали человеческому опыту, — пишет Элиаде. — Достоевский только обнаружил и указал в

⁴Подробнее см.: *Ricketts Mac Linscott. Rădăcinile românești ale lui Mircea Eliade. București, 2005; Simion, Eugen. Mircea Eliade, un spirit al amplitudini. București, 1995.*

⁵ количество упоминаний в тексте «Дневника»

⁶ Элиаде, как он сам свидетельствует в «Дневнике», мог читать на русском, хотя и не говорил на нем; см.: *Eliade M. Jurnal. București, 1993, I. С. 245.*

⁷ Романы Достоевского Элиаде читал на румынском, французском и английском языках; см.: *Eliade M. Jurnalul Portughez și alte șcrieri. București, 2006. I. С. 206.* Названия произведений даются в «Дневнике» все же на румынском, вне зависимости от того, в переводе на какой язык они читались: «*Posedații*» («Бесы»), «*Frații Karamazov*» («Братья Карамазовы»), «*Idiotul*» («Идиот»).

своих произведениях на *ценность* этих темных сфер существования. До него у людей, проникавших в эти темные зоны, не было ощущения, что они имеют дело с ценностью. В лучшем случае они думали, что выходят за грани человеческого»⁸. Отсюда его характеристика творчества Достоевского не как «хаотичного отражения путаницы, хаоса, невроза», а как *художественного* освоения нового, не известного до него европейскому сознанию сегмента действительности: «„Подпольная жизнь“, после появления Достоевского, больше не несет уничижительного смысла <...>. Подпольное существование находит если не свои „законы“, то, по крайней мере, свой *ритм*, свою творческую функцию в сфере бытия»⁹.

Так для Элиаде еще на ранних подступах к этой теме главной заслугой Достоевского является то, что, открывая для современного европейского сознания «неведомые ему ранее пласты целого умственного континента», Достоевский открывает одновременно и нормы, которые управляют этими пластами.¹⁰

Более полное развитие тема творчества Достоевского получит в «Дневнике». Остановимся на основных наблюдениях Элиаде над поэтикой Достоевского.¹¹

В первую очередь обращает на себя внимание то, что в тексте «Дневника» названия произведений Достоевского чаще всего соседствуют с глаголом «recitesc» (перечитываю). Наиболее перечитываемыми и упоминаемыми в «Дневнике» были «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бесы».¹² При этом категоричная оценка: «Ни на минуту не сомневаюсь, что Достоевский гений»¹³ — не остается лишь эмоциональным всплеском, но подробно аргументируется.

Элиаде восхищается в Достоевском, в первую очередь, особые отношения автора и его героев: «Гений Достоевского в том, что он попал под власть своих собственных героев, и этот магический акт, демонический по сути, заставил его проникнуть туда, куда другие романисты боятся идти»¹⁴. Этот основной вывод подтверждается конкретными наблюдениями над поэтикой Достоевского, причем это наблюдения не стороннего наблюдателя, а «соратника по писательскому цеху», испытывающего те же про-

⁸ Перевод Е. В. Логиновской.

⁹ Логиновская Е. В. Достоевский и Элиаде // Голоса Сибири. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 755.

¹⁰ Подробнее см.: Там же.

¹¹ Следует отметить, что «сюжет» Достоевский, будучи в «Дневнике» «одним из», локален, сегментарен, то есть состоит из множества сегментов, часто отделенных друг от друга значительным пространством (часто между упоминаниями о писателе — перерыв в несколько десятков страниц), соединен многочисленными связями с другими сюжетами: Достоевский и литературный мир, Достоевский и современная философская мысль, Достоевский и проблема литературной традиции и новаторства и т. д.

¹² Возвращаясь к эпиграфу, хотелось бы добавить, что в процессе работы над статьей автору не удалось найти в «Дневнике» Элиаде каких-либо упоминаний о знакомстве с «Дневником...» Достоевского, что представляется довольно странным, учитывая интерес румынского автора к опытам других авторов в этом жанре.

¹³ *Eliade M. Jurnalul Portughez și alte scrieri*. București, 2006. I. С. 206 (здесь и далее перевод автора статьи).

¹⁴ Там же. С. 172-173.

фессиональные трудности. Так, тема «гения Достоевского» вводится размышлением об общей для всех писателей опасности: «Каждый, кто писал роман <...> знает, как трудно держать его [героя] в узде, чтобы он не вырвался на свободу, не говорил и делал, что ему взбредет в голову. Нельзя навязать свою волю иначе, как только удерживая его на расстоянии, то есть говоря о нем как-то „в общем“, подытоживая его жизнь и идеи в целом. Если ты слишком приближаешься к нему, если пытаешься, например, написать сцену, в которой действие происходит в течение конкретного времени (например, после обеда), чувствуешь нечто вроде невроза, который охватывает тебя так, что ты вынужден себя сдерживать, чтобы не попасть под его влияние»¹⁵. Проецируя эту ситуацию и на свое творчество (в чем он тут же признается), Элиаде замечает, что попавший под это «влияние демонической воли» героя писатель начинает писать под диктовку персонажа. Полагая, что, хотя «не существует ни одного писателя, который не испытывал этой магии», Элиаде видит гениальность Достоевского именно в «непротивлении» воле героев: подчинение им позволило ему «проникнуть туда, куда другие романисты боятся идти»¹⁶.

Из этих особых отношений автора с его героями следуют и особенности создания художественных образов: «Перечитываю, после почти пятнадцатилетнего перерыва, „Братьев Карамазовых“. Поражен „трюками“ Достоевского. Ни один персонаж не целостен по сути, не совпадает с тем, что автор говорил о нем прежде, напротив, он противоречит сам себе, унижает себя (когда ты этого совсем не ждешь), ненавидит и т. д., оставляя ужасающее впечатление „глубинной жизни“, „силы“, „славянского гения“, анализа подсознания и т. д.»¹⁷. Для выражения своих суждений по поводу произведений Достоевского Элиаде использует выражение «trucurile» (приемы, трюки); при этом слово имеет безусловно положительный оттенок (отметим, однако, что, оно используется лишь по отношению к приемам Достоевского.¹⁸ При возвращении к этому выражению («trucurile») спустя почти сотню страниц, Элиаде разъясняет его: «Как всегда, я восхищен „трюками“ Достоевского. Ни один персонаж не выходит из комнаты окончательно; он возвращается с порога и говорит или делает что-то необычное. Если он не возвращается сам, то его зовет хозяин. Персонажи прерывают друг друга, молчат или резко меняют тему разговора. Все сделано для того, чтобы „удержать“ читателя; день занимает больше сотни страниц, и даже если не происходит ничего особенного, у читателя по окончании каждой главы остается впечатление, что случилась катастрофа. Это просто гениально!»¹⁹.

Вопрос о принадлежности Достоевского к определенной культурной и литературной традиции не затрагивается напрямую; скорее некоторые замечания, брошенные почти вскользь, позволяют понять тот ряд, в кото-

¹⁵ Там же. С. 206-207.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. С. 206-207.

¹⁹ Там же. С. 348.

рый Элиаде его включает (см., например, фразу: «Западный роман — Бальзак, Толстой, Достоевский, Диккенс, Пруст»²⁰). Иногда подобный ряд может показаться несколько необычным: «Точно так же, как герой романа Достоевского, раскрывает неожиданные стороны своей личности и противоречит сам себе или меняет свою точку зрения из главы в главу, поступают некоторые индийские боги (Варуна, Индра, и т. д.)»²¹. Отсюда вывод, что романы Достоевского «можно сравнить (с эпической точки зрения) с мифологией Полинезии, Индии, Греции и т. д.»²².

В Достоевском его восхищает не только писательский гений, но и интеллектуальная независимость. На фоне того, что «почти все писатели присвоили своим произведениям философию того времени, в котором они жили», Достоевский «в эпоху расцвета позитивизма осмелился заново открыть Евангелие»²³.

Однако безоговорочное восхищение не исключает критических замечаний в адрес одного из самых любимых авторов. Так, Элиаде полагает, что Достоевский «использует свою „манеру“ до перенасыщения». Это выражается, в частности, в том, что «не существует во всей книге ни одного нормального человека». Забавно, — продолжает Элиаде — «что доктор-немец, которого зовут ко многим персонажам, все время признается в том, что „ничего не понимает“». «Ирония Достоевского — или европейская точка зрения?» — риторическим вопросом заканчивает он свое суждение.²⁴

Другая «претензия» к Достоевскому — это трудность, почти нечитаемость текста. Так, поэма «Великий инквизитор», «замечательная как концепция», в глазах Элиаде, «посредственная», так как «нужно извлекать смысл <...> с усилием»²⁵.

И все же, вне зависимости от жанровой принадлежности, композиционного построения, языковых достоинств и недостатков, самую высокую оценку Элиаде получают именно те произведения Достоевского, где затрагивается проблема *времени*. Элиаде, посвятивший проблеме структурных различий разных временных континуумов одну из основных своих книг «Священное и мирское», где он провозгласил положение о различных типах течения времени²⁶, впечатлен в первую очередь экспериментами *другого* автора, *другим* аспектом рассмотрения так интересующей его проблемы:

²⁰ *Eliade M. Jurnal. București, 1993. I. C. 448.*

²¹ Там же. С. 527.

²² Там же. С. 448.

²³ *Eliade M. Jurnalul Portughez și alte șcrieri. București, 2006. I. C. 99.*

²⁴ Там же. С. 206.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ «Равно как и пространство, Время <...> не однородно и не непрерывно. Есть периоды Священного Времени. <...> С другой стороны, есть Мирское Время, обычная временная протяженность <...>. Между этими двумя разновидностями времени существует, разумеется, отношение последовательности; но <...> человек может без всякой опасности «переходить» от обычного течения времени к Времени Священному. Таким образом, <...> человек живет в двух планах времени, наиболее значимое из которых — Священное — парадоксальным образом предстает как круговое, обратимое и восстанавливаемое Время, некое мифическое вечное настоящее» (*Элиаде М. Священное и мирское / Предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994*).

«Потрясающее впечатление, которое оставляет каждый роман Достоевского, обязано, в первую очередь, факту, что время значительно расширено»²⁷. Говоря о той сцене из «Идиота», где Мышкин теряет сознание перед приступом эпилепсии, Элиаде отмечает, как верно (с его точки зрения) Достоевский «понял метафизическую (а не только экстатическую) ценность подобных „вневременных моментов“, *nunc stans*, что означает вечность»²⁸.

Остановимся на некоторых моментах сходства художественных стилей этих двух авторов, которые Элиаде отметил на страницах «Дневника». Его внимание вновь и вновь притягивает *хронологическая* структура произведения: «Я уверен, что если бы однажды написал роман, в котором действие происходит в течение двадцати четырех часов <...> я бы написал то, о чем бы говорили (*sic!*), что это подражание Достоевскому»²⁹. Перечитывание Достоевского проецирует для Элиаде проблемы времени в понимании *другого* писателя на соответствующие временные структуры в *своем* романе: «Взял <...> „Идиота“. Уже несколько дней мечтаю его перечитать <...>. Вечером начал — и размышляю о своем романе. Каким неудачным было мое решение растянуть действие на двенадцать лет!»³⁰.

Примечательно, что литературоведческие замечания Элиаде делает с использованием своего научного терминологического аппарата: «Возьмем следующий фрагмент из „Идиота“: как Мышкин понимает решающую важность времени для исторического человека, „падшего человека“»³¹. Обращает на себя внимание и точная цитация (указание библиографических данных) при обращении к произведениям Достоевского: «И помни, дорогой мой, что мы здесь, как русские, единственные европейцы. Я не говорю о себе, говорю обо всей русской мысли („Подросток“, стр. 507)» или «„Дневник писателя“, год 1958, стр. 633». Примечательно, что подобная точность почти не соблюдается при цитировании других авторов и даже научных источников.

Отмеченная ранее автоадресованность «Дневника» Элиаде³² сказывается и в манере комментариев некоторых взглядов Достоевского. Подразумеваемая понятность для читателя в том случае, когда автор дневника и есть основной его читатель, вовсе не является очевидной для «внешнего адресата», то есть читателя-не-автора. Так, цитата из речи Достоевского, посвященной Пушкину («...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя

²⁷ Eliade M. Jurnalul Portughez și alte scrieri. București, 2006. I. C. 172.

²⁸ Eliade M. Jurnal. București, 1993. I. C. 246.

²⁹ Eliade M. Jurnalul Portughez și alte scrieri. București, 2006. I. C. 172.

³⁰ Eliade M. Jurnal. București, 1993, I. C. 245.

³¹ Термин «исторический человек», дословно — «*omul căzut*») введен Элиаде.

³² Об авторе как об основном читателе «Дневника» см.: Романова А. «Дневник» М. Элиаде: в поисках жанра // В поисках «западного» на Балканах. Балканские чтения 8. Москва, 22-24 ноября 2005 г.

исторически и необходимое»), сопровождается не вполне ясным комментарием, содержащим в себе некую недоговоренность: «То, что удручает больше всего, это то, что Достоевский мог быть прав, если ... если...»³³

Говоря о восприятии Достоевского Элиаде — писателем середины XX в., хочется добавить, что история этого столетия окончательно проверила идейно-нравственные концепции русского писателя, подтвердила их необычайную актуальность. Чеслав Милош точно заметил, что романы Достоевского, хотя и написаны сто с лишним лет назад, попадают «в самую сердцевину наших дилемм», что история XX в. «дописала комментарий к „Бесам“»³⁴.

Художественный опыт Достоевского был востребован и творчески освоен Элиаде, ибо оказался созвучен его эстетическим и научно-философским поискам. При этом влияние не следует сводить к непосредственным заимствованиям у русского писателя или подражаниям ему; речь скорее идет о, так сказать, «облучении» идеями, мотивами, образами Достоевского. Подлинная литература не рождается из заимствования, влияние на нее гениального художника измеряется откликом, с которым встречается его творчество в духовной жизни общества, намеченными им тенденциями в искусстве и мысли, которые принимаются или отвергаются его последователями. С этой точки зрения влияние Достоевского на Элиаде несомненно.

³³ *Eliade M. Jurnal. București, 1993, I. С. 285.*

³⁴ *Милош Ч. Об эрозии // Новая Польша. 2006. № 10. С. 57.*